

Книги Владимира Корна
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

СЧАСТЛИВЧИК ЛЕОНАРД

УДАЧНИК ЛЕОНАРД. ЭХО ПРЕЖНИХ

ВЕЗУНЧИК ЛЕОНАРД. ЧЕРНЫЙ КОРСАР

ТЕОРЕТИК

ТЕОРЕТИК. ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ

ТЕОРЕТИК. РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

ТЕОРЕТИК. ХРАМ ИЗ ХРУСТАЛЯ

АДЪЮТОР

АДЪЮТОР. ВОЛКИ С ВЕРШИН ДЖАМАНГРЫ

ПРОЛОГ

Что может быть более умиротворяющим, чем наблюдать, как котенок пьет молоко? С белой, без единого пятнышка шерсткой и голубыми-голубыми глазами. Забавный настолько, что, когда глядишь на него, лицо так и растягивается в улыбке. Если разобраться, все не так уж и плохо, поскольку хозяева позволяют себе поить его молоком. Только надолго ли? Помнится мне, в королевстве Данкранк кошатина — обычное блюдо. Мало того — национальное. Так сложилось несколько веков назад после череды неурожаев из-за природных катаклизмов и, как следствие, бунта, когда правительственные войска долго не могли навести порядок. Это в какой же степени нужно было отчаяться от голода, чтобы рука поднялась на таких милых пушистиком?! И не предстоит ли нечто подобное здесь, в Финлаусте? Ведь именно к тому все и идет.

— Господин сарр Клименсе, нам пора выезжать, — вернул меня к действительности голос Курта Стаккера.

— Пора так пора.

Езды до нужного нам урочища около получаса, опаздывать ни в коем случае нельзя. И еще хотелось бы надеяться, что к нашему прибытию туман исчезнет.

— Ничего не забыли?

— Курт, что можно забыть в моей ситуации?

Мне едва не стало смешно. Через тридцать минут предстоит дуэль — и что для нее нужно? Вот эти два пистолета, которые благодаря известному оружейному мастеру получили возможность легко превращаться в карабины, и для этого достаточно пристегнуть приклады. И кинжал на поясе — вот и все мое снаряжение, мне даже шпага на этот раз не понадобится.

— Даниэль, может быть, все-таки позавтракаешь? — Голос Клауса сар Штраузена так и сочился заботой.

И еще в нем чувствовалась некая вина Клауса в том, что вскоре должно произойти. Все-таки выбери он другой путь или реши остаться в Нантунете, ситуации не возникло бы.

Впрочем, сомнительно, ибо Даниэль сарр Клименсе — имя, которое заставляет многих трепетать. Но нередко попадают и такие, для которых оно звучит как вызов.

— Нет.

Отказ мой был категоричен. И вовсе не по той причине, что при пустом желудке куда больше шансов выжить в случае ранения в живот. Когда в него влетит пуля размером с лесной орех, она разворотит внутренности так, что не поможет и строгий двухнедельный пост. Причина в ином. Ночью мне опять приснилась Кларисса. Живая, улыбающаяся, и потому пробуждение было безнадежно испорчено. Ну и какой тут может быть аппетит?

— В моем погребце обычный набор. Бренди и все, что к нему может понадобится. — Виктор сар Агрок выглядел воплощением оптимизма. И добавил, безусловно, зря: — Зная, пусть и немного, сарр Клименсе, заранее предполагаю, что он не раз нам понадобится.

Виктор пытался мне внушить, что все закончится благополучно. И потому благодаря его погребцу у всех нас после дуэли появится возможность не откладывая

перекусить. И при желании выпить. Без чего точно не обойдется, поскольку, даже будучи секундантом, нервов зачастую тратишь не меньше, чем сам дуэлянт.

Сразу у крыльца меня ждал оседланный Рассвет, которого держал в поводу один из наемников Курта Стаккера, Базант, и я в очередной раз поразился ширине его плеч. Казалось бы, за месяц пути пора и привыкнуть, но все никак не получается. Рассвет покосился на меня, но и не подумал радостно фыркнуть, как это обычно бывает при нашей встрече. Мало того, он не посмотрел на мои руки: что я приготовил ему на этот раз? И угощение — густо посыпанную крупной солью краюху — принял без особых эмоций, а еще по холке у него волной пробежала нервная дрожь. Ну да, это для других я выгляжу воплощением бесстрастности, но его-то не обманешь: внутри у меня все далеко не так. Произойти на дуэли может все что угодно, поскольку так много в нашей жизни зависит от случайностей, порой счастливых, но зачастую и роковых.

Чуть в стороне стояла Сантра, и, зная ее отношение к дуэлям, я опасался нарваться на предосудительный, а то и гневный взгляд. Но нет, вид у нее был грустный, и потому, не колеблясь, я направился к ней. Не так давно, в Нантунете, мы провели чудесную ночь. Что, впрочем, не давало мне никакого права ни обнять ее, ни тем более поцеловать, чтобы не компрометировать. Но перекинуться несколькими фразами, не нарушая приличий, мы ведь можем?

— Доброе утро, Сантра, — поприветствовал я девушку. И тут же солгал: — Смотрю на вас и никак не могу понять, что красивее — только что взошедшее солнышко или вы?

Сантра выглядела так, что с одного взгляда было понятно — она провела не слишком спокойную ночь,

а возможно, и вовсе спала урывками. Не ожидал, что так ей дорог.

— Даниэль, постарайтесь быть осторожным! — Она подалась вперед, но тут же себя одернула.

— Постараюсь.

И все-таки не смог перебороть себя, чтобы не погладить девушку по щеке.

Путь наш пролегал мимо деревенского кладбища, которое должно было напомнить мне о бренности бытия, но почему-то никаких эмоций не вызвало.

— Даниэль... — Ехавший рядом со мной на своем Красавчике Клаус давно уже пытался что-то сказать.

Но я молчал, и потому он не говорил ни слова, очевидно полагая, что настраиваюсь на предстоящее. А когда до нужного нам места было уже не так далеко и уже хорошо были видны двое секундантов моего противника Александра сар Штроукка, все-таки не утерпел.

Оба они пробудут здесь все время дуэли, а два моих помощника, Клаус и Виктор, отправятся на противоположный конец оврага, где находится Александр. Чтобы проследить — все должно пройти по канонам Дуэльного кодекса.

— Говори, Клаус, говори. Только, ради самого Пятиликого, ни слова о том, что во всем виноват ты.

С него станется, с его-то мнительностью на каждом шагу. Забавно было наблюдать за тем, как он, уже набрав воздух и даже открыв рот, лихорадочно соображает, что бы ему произнести после моих последних слов.

— Э-э-э... — наконец выдавил из себя сар Штраузен.

— Многообещающее начало! Кстати, пообещай.

— Что именно? — обрадовался он возможности переменить тему.

— В том случае, если со мной произойдет то, чего страшно не хочется, вы не задержитесь здесь ни на день. То есть ни о каком мщении не может быть и речи. Клаус, слово?!

Он поморщился, но кивнул. Пришлось повисить голос:

— Господин сар Штраузен, вы должны дать мне слово чести, что именно так и будет.

На этот раз Клаус сморщился еще больше, но добить своего мне все-таки удалось.

— Обещаю. — И, наткнувшись на мой требовательный взгляд, выдавил: — Чем бы дуэль ни закончилась, мы уедем следующим утром.

— Ну вот и отлично.

Хотя чего отличного может быть в том случае, если мне придется остаться здесь? Прикрытым сверху от непогоды земляным холмиком или страдая от раны в развороченных внутренностях.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Главный город провинции Финлауст — Нантунет мы покинули неделю назад, предварительно посетив губернатора. Господин сар Могуст клятвенно заверил, что королевские войска уже на подходе, ситуация в Финлаусте и сейчас практически под контролем, ну а дальше и вовсе, как он выразился, придет в норму. Вероятно, его заверения и сподвигли сар Штраузена не задерживаться в Нантунете, а продолжить путь в Клаундстон. Справедливости ради, не напрямую, Версайским трактом, а взяв курс практически строго на юг — вдоль прежних границ королевства Ландаргия с соседним Нимберлангом. Который, в чем нисколько можно было не сомневаться, и приложил все усилия к тому, чтобы в провинции возникли волнения, что вот-вот могло перерасти в бунт.

Наше путешествие было спокойным — все-таки все основные события происходили далеко на западе от этих мест. И вот наконец мы прибыли в небольшое имение под незамысловатым названием Зеленая Пустошь. Зелени здесь хватало с избытком, но пустошью даже не пахло. Если не принимать за нее бескрайние степи, особенно яркие зеленью сейчас, в самом начале лета.

— Красивые виды, — не раз замечал Курт Стаккер.

И он полностью был прав. Виды перед нами так и просились на холст живописца. Тенистые дубравы, заливные луга с их многоцветьем и далеко на горизонте — белоснежные пики Джамангры.

— Будь я художником, обязательно бы запечатлел на холсте многое из увиденного, — утверждал он. — На редкость колоритные места.

Стаккер, несомненно, изменился после того, как я дал обещание похлопотать о присвоении ему дворянства. Не то чтобы разительно, но множество мелочей назойливо лезли в глаза. Например, теперь Курт частенько рассуждал на темы, которые никогда прежде в разговорах с ним не затрагивались. Вот как сейчас.

— И что мешает вам стать художником?

— Смеетесь, господин сарр Клименсе?!

— Отнюдь. Как вы считаете, чем отличаются они от обычных людей?

— Прежде всего умением рисовать. У меня, например, ни в жизнь не получится изобразить того же коня.

— Ну так избегайте их. Займитесь пейзажами, натюрмортами, графикой, наконец. Словом, всем тем, что совершенно не требует изображения живых существ. Думаю, для вас не станет неожиданностью, что даже всемирно известные художники иной раз просят, чтобы на их полотнах изобразил того же коня кто-нибудь из коллег.

— Да ну!

Удивительно, но всего двумя словами можно передать столько эмоций сразу. И недоверие, и удивление, и даже тщательно скрываемое «господин сарр Клименсе, при всем уважении к вам, уши мне не заливайте!».

— Спросите у сар Штраузена, Стаккер. Уж что-что, но лгать он точно не умеет. — Хотя и не мешало бы научиться, коль скоро Клаус решил стать политиком. — Ну а пока пошлите вперед несколько своих богатырей, чтобы они взглянули, что там и как.

С виду в той самой Пустоши как будто бы все спокойно, но поостеречься стоило. Если на нас внезапно нава-

лится несколько сотен крестьян с косами и дубьем, можем и не отбиться. Стаккер не стал ничего говорить, лишь поднял вверх руку и махнул ею по направлению к деревне. Миг — и тройка его наемников запыхала впереди нас, пустив коней вскачь.

— Ну так что, Даниэль, нанесем визит владельцу этого чудного местечка?

Вопрос Клауса сар Штраузуна прозвучал с некоторой усмешкой, уж не знаю, по какой именно причине. Вероятно, в связи с тем, что усадьба представляла собой настоящий замок и ему самое место в более населенных местах. В довольно запущенном состоянии, должен заметить.

И еще хорошо было понятно, что как убежище он давно перестал быть таковым, перестроенный для удобства жилья. Его и замком-то теперь назвать в полной мере было уже нельзя. Так, довольно безобразное на вид, сложенное из камней серого цвета строение, солнечная сторона которого почти сплошь заросла плющом. Хотя что удивительного? Большинство потрясений, которые случаются в королевстве Ландаргия, происходят именно здесь. Наверняка когда-то замок выглядел совсем иначе и пострадал при любом из них.

— Точно ведь не знаешь, кто в нем проживает? — без особой надежды на успех поинтересовался я.

Вообще-то сар Штраузен — настоящий кладезь знаний о всех более или менее знатных семействах королевства. Спроси его о ком-нибудь конкретно и получишь получасовую лекцию, из которой тебе станет известно, благодаря чему далекий предок получил дворянство, как выглядит его герб, с кем он находится в близком и дальнем родстве. Но слишком далеко расположены здешние места от столицы, так что ответа можно и не получить. Спросил и, к своему удивлению, услышал:

— Конечно же да — сар Штроукки. И, между прочим, вполне может быть, что вы имеете родственные связи, пусть и очень-очень дальние. Во всяком случае, в летописях Карлгтона оба ваших семейства упоминаются в ряду одних и тех же событий, на основании чего и можно сделать такое предположение.

— Клаус, тебе солнцем голову не напекло?

— Как будто бы нет, — серьезно ответил он. — А к чему интересуешься?

— Ты свою фразу со стороны смог бы понять?

— И что в ней было необычного?

— Вот это. — И я по памяти процитировал: — «Оба они упоминаются в ряду событий, на основании чего и можно сделать такое предположение». Звучит довольно нелепо и не говорит совсем ни о чем.

Следующая его фраза озадачила меня еще больше.

— Я что, действительно так сказал?!

— Слово в слово, Клаус!

На всякий случай я посмотрел на него, чтобы встретить самый обычный его взгляд. Все те же голубые глаза, белокурые волосы, тонкий, с горбинкой нос. Даже шрам на левой щеке от пули, полученный сар Штраузеном на первой и, весьма на то надеюсь, последней в его жизни дуэли, выглядел таким же, как и всегда, — тонкой синеватой полоской, как будто Клаусу пришлось в голову сделать незамысловатую татуировку. Так куда же делась обычная для него отточенность формулировок? Клаус, кстати, шрамом очень гордится, хотя и тщательно скрывает. Весьма неудачно, поскольку помимо меня сей факт заметили и Виктор, и Курт Стаккер, и, сильно подозреваю, много кто еще.

— В таком случае, возможно, и напекло, — пожав плечами, легко согласился он. — Но, возвращаясь к теме нашего разговора, лет четыреста назад, когда твой

род был на первых ролях в Ландаргии и совсем уж непонятно по какой причине не занимал королевский трон, случилась война. Справедливости ради, тогда они бывали куда чаще. Так вот, твой далекий предок проявил в ней немалый героизм, что и осталось в летописях Карлтона.

— Перерубил всех врагов мечом в одиночку? Для любого представителя моего рода — обычное дело! — Особенно учитывая, что я являюсь единственным его представителем. — Разумеется, за исключением самого меня.

Логика в моих словах было ноль, но ноль намеренно. Клаус поморщился.

— Нет. Твой предок командовал войском, которое и разгромило армию Нимберланга. Даниэль, ну и что в том смешного?!

Ничего, согласен. Но откровенно не понимаю — как можно проявить небывалый героизм, командуя с высокого холма глубоко в тылу? Разве что, отдавая приказы, сверхмужественно размахивать жезлом. Ну да ладно, оставим на совести летописцев.

— Предок сар Штроукков повел в бой отряд в тот самый критический момент, когда в ходе битвы мог произойти перелом. Как пишут в книгах — когда перевешивала то одна, то другая чаша весов. Они все там полегли, в том числе и сар Штроукк. Но дело свое сделали, и победа осталась за Ландаргией.

И все-таки небывалый героизм проявил именно мой предок. Забавно. Но, как бы там ни было, далекий потомок несомненно героя и вызвал меня на так называемую «дуэль в кустах».

У входа в то, что когда-то было замком, нас встретила госпожа Мадлен сар Штроукк, в подчеркнута траурном наряде по своему, как выяснилось чуть позже, не так

давно усопшему супругу. В компании сына Александра, который смотрел на всех нас на редкость вызывающе. А когда мы представились, вся его агрессия оказалась направлена только на меня. То, что мое имя известно и в редкостном захолустье, новостью для меня не стало, поскольку в газетах оно мелькает достаточно часто. По большей части в разделах, посвященных скандальной хронике. Если разобраться — что есть любая дуэль, как не логическое завершение предшествующего ей скандала? Но поведение Александра было совершенно непонятно. Наверняка мы никогда прежде не встречались, и потому между нами не может быть ничего, что спровоцировало бы его на непонятное поведение. В самом-то деле, не виной же тому гибель его много раз «пра» дедушки?

Внутри жилище Штроукков выглядело таким же ветшающим, как и снаружи. Нет, бедностью изо всех углов не сквозило, но чувствовался явный недостаток средств. Впечатление могло бы произвести множество полотен — все как одно вышедшие из-под кисти известных мастеров живописи прошлого. Но не производили. Наверное, по той причине, что выглядели они заплатками из дорогой ткани на изрядно и во многих местах прохудившейся одежде. Потертая обивка на мебели, которую давно бы не мешало перекрыть, а еще лучше ее заменить полностью. Даже свечи на люстре в обеденной зале горели, казалось, тускло, хотя их там хватало. На прежний недостаток указывали столовые приборы и посуда, которыми не побрезговали бы и в самых богатых столичных домах.

«Если дела у сар Штроукков пойдут так и дальше, им только и останется, что устроить аукцион, — размышлял я, ковыряясь массивной, ажурной работы серебряной вилкой в блюде перед собой. — На какое-то время

дела они поправят, но содержание дома и тот образ жизни, который привыкли поддерживать, съест все вырубленное в течение нескольких лет».

Так уж всегда получалось, что вести светскую беседу в подобных случаях брал себе в обязанность Клаус сар Штраузен. На этот раз помогать ему взялась Сантра, но даже вдвоем им не удалось разогнать едва ли не гнетущую атмосферу ужина. И виной тому был Александр, поведение которого оставалось непонятным. Мать то и дело бросала на него полные упрека взгляды, но он как будто бы их не замечал, продолжая взирать на меня с ничем не прикрытым вызовом, и еще все время молчал. Госпожа сар Штроукк пыталась заполнять то и дело возникающие, несмотря на старания Клауса и Сантры, паузы, стараясь за двоих.

— Даже не знаю, как нам следует поступить, если волнения докатятся и сюда, — делилась опасениями хозяйка. — Наверное, самым разумным было бы на какое-то время отправиться в Брумен, чтобы все переждать. Но что тогда будет с домом? Его же непременно разграбят!

— Как мне кажется, вам не стоит волноваться, — убеждал ее Клаус. — Насколько мне известно, в нескольких днях пути на востоке находятся королевские войска. Уж они-то не дадут продвинуться мятежникам так далеко!

— Ну а если все-таки начнется война с Нимберлангом?

Надо же, слухи о ней дошли и сюда. Хотя чему удивляться: во времена, когда мой предок проявлял небывалый героизм, граница с Нимберлангом и проходила примерно в этих местах. Теперь Клаус на какое-то время с ответом замешкался: разговоры о том, что войны не избежать, ходят упорные. И кто сможет поручиться, что

она уже не началась, а мы всего-то находимся в неведении?

— Думаю, что враг тогда получит достойный отпор! — наконец-то нашелся сар Штраузен.

— А если нет?

— Если нет, мы успеем отсюда убраться, мама, — едва ли не впервые за все время ужина вступил в разговор ее сын Александр. — Кстати, господин сарр Клименсе, а что это вы ни к чему почти не притронулись? Вам мне нравится наша кухня?

Мать посмотрела на него с явным неодобрением — слишком уж резким был его тон.

— Отнюдь. На мой взгляд, приготовлено великолепно, и выбор блюд радует, — совершенно искренне ответил я.

— В таком случае вы считаете ниже своего достоинства отужинать в нашем обществе и преодолагаете себя из вежливости?

Александр явно нарывался на скандал. Не будь здесь его матери, у меня замечательно получилось бы поставить его на место, но ее присутствие сковывало: каково ей будет услышать о единственном сыне не слишком приятные вещи?

— Александр! — обратилась к нему госпожа сар Штроукк. — Ты ведешь себя непозволительно. — И словно попыталась оправдать грубость сына: — Знаете, какой он у меня книгочей! У нас огромная библиотека, и я не уверена, что Александр не прочитал каждую из книг. Даже те, которые написаны много столетий назад, а вы ведь знаете, насколько с той поры изменился язык!

Тот на слова матери не обратил ни малейшего внимания.

— Извините, сарр Клименсе. Откровенно говоря, я сказал глупость. — И все бы ничего, если бы не его

тон — откровенно издевательский. — К тому же совсем не хочется, чтобы мне размозжили голову дубинами в темном переулке. В нашем случае, вполне может быть, в моей собственной спальне.

Прямой намек на то, что в Брумене накануне дуэли с моим противником именно так и поступили. Из его слов вытекало — с ведома сарр Клименсе или даже после его указания.

— Тогда ложитесь где-нибудь на сеновале, глядишь, рок вас и минует.

Мне совершенно не хотелось смерти этого мальчишки, что на дуэлях происходит сплошь и рядом. К тому же было безумно жаль его мать, которая, слушая сына, словно окаменела, отлично себе представляя, чего именно он добивается. И потому, пока оставалась еще возможность фехтовать фразами, я так и делал.

— Господа, я вас оставляю, — явно не желая больше слышать хамство своего сына, сказала хозяйка дома. — Александр, веди себя благоразумно. Наши гости попросили у нас приюта. Уже завтра им предстоит дальнейший путь. Неизвестно, что с ними может случиться по дороге в Клаундстон в это беспокойное время, и больше всего они сейчас желают спокойно отдохнуть. Не ссорьтесь, господа, умоляю вас!

Госпожа сар Штроукк ушла, ее сын как будто бы успокоился. Увы, как выяснилось, ненадолго. Когда я собирался откланяться, он заговорил снова:

— Так, значит, вы отказываетесь?

— От чего именно?

— От моего вызова.

— А вы мне его посылали? Всегда прежде они выглядели иначе.

Прояви он чуть больше радушия, я обязательно упробил бы его устроить мне экскурсию. Чтобы полюбовать-

ся картинами, услышать рассказ о каждой из них. Заглянуть в библиотеку, где, насколько не сомневаюсь, найдется что-нибудь стоящее. Фолианты по фехтованию, например. А самое главное — имеющее отношение к моим предкам, о которых так мало знаю. Гонения на мой род, в результате чего я и остался единственным его представителем, коснулись и письменных источников. Их уничтожали повсюду, куда только могли добраться, и даже в тех случаях, когда имя сарр Клименсе упоминалось лишь косвенно. Маловероятно, но вдруг найдется переписка между моим предком и предком Александра. Госпожа сар Штроукк права: язык за несколько веков значительно изменился, но мне не составило бы труда ее прочесть. Очень хотелось узнать, как он мыслил и насколько я от него отличаюсь. Те же ли у него идеалы, принципы. Александр же вел себя как ребенок, который обрадовался подвернувшейся возможности испытать новую забаву. Но дуэль — такая штука, которая грозит обоим ее участникам смертью, и что в том забавного? Во всяком случае, я ничего не нахожу. Пришлось выразительно посмотреть на Клауса, и тот понял с полупамята.

— Понимаете, господин сар Штроукк, — мягко, на мой взгляд даже чересчур, начал он. — Да, перед вами тот самый сарр Клименсе, лучший фехтовальщик Ландаргии. Человек с безукоризненной репутацией, в чьей чести не сомневается никто. Более того, примерно треть его дуэлей состоялась на пистолетах. И, как видите, он сидит перед вами живой и здоровый. Теперь я обращаюсь к вам с вопросом: к чему вы себя так ведете, явно провоцируя? Сарр Клименсе вас оскорбил? Вы знаете о нем нечто такое, что могло дать вам повод? Нет? Мы вполне бы могли миновать ваш дом стороной, и вам не улыбнулась бы удача с ним познакомиться. Так давайте же по-

говорим о чем-нибудь другом. Кстати, играете в шахматы?

Клаус сар Штраузен — лучший из тех, кто умеет двигать фигуры по клеткам. Во всяком случае, достойного противника ему еще не находилось. И сейчас он похож на меня, каким я был несколько лет назад, — ищет возможность встретиться за шахматной доской с кем угодно, чтобы в очередной раз убедиться: равных ему нет.

— При чем здесь шахматы? Мне что, вклеить ему пощечину, чтобы его наконец проняло?

Александр говорил обо мне в третьем лице в моем присутствии, что в приличном обществе уже считается оскорблением, но я терпел. Клаус тяжело вздохнул.

— Пощечину без всякого повода? Только потому, что вам захотелось? — заговорил присутствующий за столом и все время молчавший Виктор сар Агрок. — Знаете, Александр, не так давно я обрадовался тому, что в родном городе Брумене объявился тот самый Даниэль сарр Клименсе. И тем больше, когда вдруг получилось так, что стал одним из его секундантов. А затем мне и вовсе неслыханно повезло — отправился в компании вместе с ним в Клаундстон. Все это я говорю к тому, что абсолютно не понимаю вашей логики — зачем вы намеренно нарываетесь на неприятности? Что вас толкает? Вы ищете смерти? Даже если за вами будет выбор оружия, в любом случае сарр Клименсе расправится с вами, как со щенком. Потрудитесь объяснить.

Если бы речь Виктора была обращена ко мне, она обязательно стала бы поводом. Наверняка Виктор того и добивался, и я неодобрительно на него посмотрел. И еще он сделал только хуже, поскольку следующими словами Александра были:

— Господин сар Агрок, вас следует понимать — вы пытаетесь оскорбить меня, вместо того чтобы ненадолго

одолжить часть личной храбрости человеку, которого так горячо расхваливаете?

— Все, хватит, — поднимаясь из-за стола, решительно заявил я. — Вы своего добились.

Когда в лицо называют трусом, а ты молча это проглатываешь, тебя не поймет никто.

— Господа, обговорите условия. — И не сдержался: — Сар Штроукк, если остановитесь на вилах, не забудьте их хорошенько отмыть от навоза.

Последние дни я страстно мечтал о мягкой постели со свежим бельем. Теперь мне придется провести ночь на набитом соломой тюфяке в лагере наемников Стаккера, ибо оставаться под одной крышей с этим недоумком было выше моих сил.

По дороге к коновязи меня остановила госпожа сар Штроукк, появившаяся из темноты так неожиданно, что заставила вздрогнуть. Которая конечно же все уже знала.

— Господин сарр Клименсе, умоляю вас, не убивайте его! — Голос ее был полон отчаяния. — Александр — хороший мальчик, даже не представляю, что на него нашло!

Этому мальчику больше двадцати, и наверняка он успел испортить в окрестностях немало крестьянских девиц. В перерывах между чтением книг. Не нужно его убивать, говорите? Если выбор будет между тем, чтобы сохранить себе жизнь, и тем, чтобы вы за одну ночь не поседели от горя, будьте уверены — рука у меня не дрогнет!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Место, выбранное для так называемой «дуэли в кустах», представляло собой нечто вроде оврага. Скорее низины, куда весеннее половодье приносит немало влаги с окрестных полей, ее дно и теперь местами заболочено. Имелся здесь и весело журчащий ручей, русло которого было на редкость извилистым. В низине хватало всего — и открытых участков, где редкие кустики едва достигали колена, и настоящих зарослей, куда можно спрятать целый отряд.

Накануне полдня посвятил тому, чтобы ознакомиться с местностью. Иначе получалось, что мой противник оказался бы в более выигрышной ситуации: несомненно, бывать здесь ему приходилось неоднократно. Хотя и сейчас главную роль могло сыграть не мастерство любого из нас как стрелка или даже умение красться, а его величество случай. С другой стороны, когда и где все было иначе?

Такой тип дуэлей отличается от всех других тем, что оружие не оговаривается, и потому можно захватить с собой все что угодно. Обвешаться ружьями, сунуть за пояс с полдюжины пистолетов, взять в каждую руку по сабле или даже приволочь за собой картечницу. Ту самую, на колесах, которая имеет множество стволов, и они стреляют по очереди, достигая при этом высочайшей плотности огня.

Подумав немного, я здраво решил, что пары пистолетов мне будет достаточно. С приставным прикладом, что превратило его в неплохой кавалерийский карабин. И другого, так называемого дорожного, где спусковой крючок складывается для удобства ношения, а скоба отсутствует вовсе. И еще нож, взятый на время у одного из наемников Курта Стаккера — широкоплечего Базанта, уж не знаю зачем. Он приглянулся своей основательностью и больше всего походил на сильно укороченный палаш, на нем даже гарда имелаась. Хотя глупо было бы предположить, что нож мне понадобится. Добить при желании раненого противника? Существует множество способов покончить с ним и голыми руками.

Я шел осторожно, стараясь издавать как можно меньше шума, внимательно вслушиваясь в звуки вокруг, помимо того — избегая показываться на открытых участках, и потому путь мой был так же извилист, как русло ручья. Я размышлял о том, что ведь вполне может случиться так, что мы возникнем друг перед другом внезапно. Выстрелим, промахнемся, роняя на землю разряженное и лихорадочно выхватывая из-за пояса или срывая с плеча другое оружие, выстрелим опять и промахнемся снова. Что будет потом? Я ухватюсь за нож, а мой противник, например, за саблю? Или он разорвет дистанцию, чтобы оружие перезарядить? Не такое уж и скорое дело! И еще его будет мучить мысль — вдруг противник умудрился справиться быстрее, набрался мужества и ринулся вперед, на поиски? Откуда ему знать, что шансов у меня было два и я их уже использовал? Самому мне только и останется, что лихорадочно разыскивать его с ножом в руке. И найти в тот самый миг, когда он успел свой пистолет или ружье перезарядить. Если только у него их не три-четыре. И что тогда? Успеть выкрикнуть нечто уничтожительное, чтобы и перед лицом смер-

ти показать свое мужество, сохраняя реноме? Ну и где тут не будет смешно?

День выдался по-настоящему солнечным, и на небе не было ни единого, пусть даже самого заваливающего облачка. Само светило располагалось на небосводе так, что его лучи не могли слепить никого из нас. И еще было безветренно, что важно. Когда очередной порыв вначале шевелит листвой за твоей спиной, заставляя отвлечься, пусть и на доли секунды, они могут стать ценой жизни. Словом, мы были в равных условиях.

Я углублялся в низину все дальше и дальше и наверняка одолел ее середину. По логике вещей мы давно уже должны были встретиться. Если, конечно, он не устроил засаду где-нибудь в самом ее начале. Затем мне пришла мысль — лощина достаточно широка, и вполне может случиться так, что мы разошлись, не заметив друг друга. И что дальше? Бродить здесь до вечера, если подобное будет случаться раз за разом? Немудрено, что во мне начала бушевать злость. Почему бы Александру не выбрать огромный густой лес, где неделю, месяц можно искать друг друга безрезультатно? Сейчас я готов был его убить и без того отличного повода, который он сам и дал, бросив в лицо обвинение в трусости.

Если сар Штроукк не уверен в своем искусстве фехтовальщика, почему бы ему не выбрать дуэль на пистолетах, что значительно уравнивает наши шансы? Нет же, броди здесь подобно последнему болвану, пытаясь раздвоить зрение, чтобы не наступить на сухую ветку и в то же время вовремя увидеть движение спереди. И когда гнев переполнил меня настолько, что глаза непременно налились кровью, я его и увидел. Замер как вкопанный, тряхнул головой и даже на миг прикрыл глаза.

Нет, определенно, без всякого сомнения, это был он — Александр сар Штроукк, пусть я и видел его со

спины. Характерная посадка головы, уши своеобразной формы, светлые волосы, а на пальце руки, которой он прихлопнул комара на шее, отчетливо был виден перстень с крупным синим камнем. Перстень, который мне хорошо удалось рассмотреть, когда он за ужином держал в руке бокал.

Признаться, у меня перехватило дыхание, настолько не ожидал его увидеть в таком положении. И еще по той причине, что он вполне мог быть здесь не один и в тот самый миг, когда я его рассматриваю, невидимый мне стрелок уже нажимает на спуск. Затем Александру достаточно забрать у своего помощника оружие и вернуться к секундантам. Продемонстрировать его, все еще остро пахнущее порохом, и примерно объяснить, где искать мое тело... Ну вряд ли сар Штроукк просто остановился передохнуть, обнаружив подходящий для этого камень! К тому же сев спиной к той стороне, откуда я должен был появиться.

Александр не шевелился, застыл, как камень под ним, и я — слишком нелогичной была ситуация. Спустя какое-то время я навел на его спину ствол превращенного в карабин седельного пистолета. Убрал, снова навел, чтобы окончательно опустить. После чего решительно шагнул вперед из скрывающих меня зарослей, здраво рассудив, что, если мой противник, услышав за спиной шум, схватится за оружие, у меня будет достаточно времени, чтобы выстрелить первым. Но нет, несмотря на то что я намеренно производил по дороге к нему как можно больше шума и даже кашлянул, Александр сар Штроукк продолжал сидеть безучастно.

— Не помешаю? — поинтересовался я, усаживаясь на камень рядом с ним.

Далеко не самый умный вопрос в ситуации, в которой оба мы оказались, но ничего другого в голову не

пришло. Он коротко взглянул на меня, но промолчал, продолжая сидеть все так же — обхватив руками ствол ружья, приклад которого был уперт в землю. Вернее, два ствола, поскольку оно было двуствольным. Другого оружия у Александра не было, и мне стало немного неловко за свой арсенал.

— Что-то случилось?

Произойти могло все что угодно. Вплоть до того, что Александр серьезно болен и его не вовремя скрутил очередной приступ уж не знаю чего именно. Головокружения, боли в сердце, желудке, что-то еще, хотя с виду он производит впечатление абсолютно здорового человека.

— Случилось? — переспросил он. — Нет, как будто бы все нормально.

— Тогда почему же?..

«Почему я застал тебя сидящим здесь? Ведь именно ты послал мне вызов. Глупый, бессмысленный и совершенно ничем не обоснованный. Который у меня при всем желании не вышло бы проигнорировать — все мы рабы своего положения».

— Просто подумал: зачем все это? Какой в этом смысл?

— В чем именно?

— Ну, убью я вас или же вы меня — что изменится? Ради чего все произойдет?

— И вы решили покончить с жизнью фактически самоубийством?

— Зная о вас, никогда бы не усомнился, что вы не станете стрелять в спину.

Приятно слышать, но только я один знаю, сколько сил мне потребовалось, чтобы сдержаться.

— Зря вы на это рассчитывали, все-таки на кону был не карточный долг в пригоршню золота. И тогда бы вы причинили вашей матушке горе.

— Она нашла бы себе утешение во внуках, — пожал плечами сэр Штроукк. — Их у нее хватает: все три моих старших сестры замужем.

— И все-таки, Александр...

— Знаете, сэрр Клименсе, — перебил он, — меня час-то мучает вопрос: для какой-то ведь цели все мы рождаемся? Ну не просто же для того, чтобы пить, есть, испражняться, заниматься любовью с кем придется. Затем остепениться, найти себе подходящую пару и оставить после себя потомство. Наверное, есть же и какие-то высшие цели? Ну не может же быть все так просто? Ладно животные, но мы-то разумны!

— Это вопрос, на который у меня никак не получается найти ответ. Возможно, он найдется когда-нибудь потом. Но если бы я сейчас выстрелил вам в спину, у вас точно бы не получилось.

— А может, так было бы даже лучше?

Я внимательно на него посмотрел. Нет, Александр говорил совершенно искренне.

— Что лучше? Погибнуть в самом начале пути, даже не сделав попытку найти ответы?

— Зато не нужно мучить себя вопросами. — Он улыбнулся и тут же напрягся. — Надеюсь, вы не подумали, что я трус?! Который задумался над последствиями и, зная ваше благородство, обставил все именно таким образом?

— Если вы и трус, то куда в меньшей степени, чем я. Признаюсь, у меня ни за что не хватило бы мужества сделать так, как сделали вы. Кстати, есть у меня к вам несколько вопросов.

— Да сколько угодно, сэрр Клименсе!

— Вы давно были в Клаундстоне?

— Ни разу не приходилось. Так что, вероятно, ничем помочь не смогу.

— Это с какой стороны посмотреть. Что вы думаете относительно того, чтобы прокатиться туда в моей компании? Уверяю вас, скучать нам вряд ли придется.

Я ожидал любой реакции — и все-таки не такой. Александр порывисто вскочил на ноги.

— Сэрр Клименсе, вы серьезно?!

— Более чем. Ну так что?

— Сочту за честь! Буду очень рад. Весьма признателен. Или что я должен сказать в таком случае?

— Просто согласиться. Или отказаться. Выбор за вами.

В замок мы возвращались вместе, разговаривая о многих вещах. В чем-то соглашались друг с другом, в чем-то не совсем, а кое в чем придерживались противоположных точек зрения. Конечно же пробелов в образовании молодого сар Штроукка было предостаточно, и все-таки оно внушало уважение. По той простой причине, что знания, которыми он обладал, были получены им самостоятельно. Согласен, его образованием занимались, но область его интересов простиралась далеко за рамки, которыми были ограничены его домашние учителя. И еще я думал о том, как много у нас в Ландаргии людей, подобных Александру. У них есть все — ум, знания, энергия, но нет возможности их применить. И потому тратят они себя на всякую ерунду. Затем и вовсе успокаиваются, чтобы стать в своих поместьях мелкими тиранами от безысходности. Смирятся с тем, что жизнь проходит или уже прошла, а они так ничего и не успели сделать. Сделать действительно достойное. Такое, на что и в самом деле не жалко положить жизнь.

Сами того не подозревая, мы с Александром устроили немалый переполох. Секунданты обеих сторон не смогли

предположить, чем все закончится, и терпеливо ждали нас там, где им положено было находиться. Мы же выбрали путь к усадьбе напрямик, и получилось так, что умудрились не попасться никому из них на глаза. Когда терпение кончилось, они старательно обыскали овраг, пытаясь найти хоть что-то: тела, пятна крови, что-то еще, ведь отсутствие ружейной пальбы не говорило ни о чем — дело вполне могло закончиться и схваткой на ножах.

— Заставили вы всех нас поволноваться, сэрр Клименсе! — заявил Курт Стаккер, к помощи которого обратились после того, как никому из секундантов не удалось ничего найти.

Тот поднял по тревоге всю полусотню наемников, чтобы старательно прочесать овраг. Конечно же снова безрезультатно. Мы с Александром провели все это время в библиотеке, которая действительно внушала уважение. И выглянули из нее только тогда, когда услышали хор тревожных голосов в холле первого этажа, среди которых выделялся голос его матери: она и сама находилась в неведении.

— Даниэль, ну нельзя же быть настолько безответственным! — выговаривал мне Клаус, когда мы остались наедине. — Ты хотя бы частично можешь себе представить, что мне пришлось пережить?

— Откуда бы? — не без иронии поинтересовался я, вспоминая его собственную дуэль, благо та длилась считанные минуты. Затем попросил его: — Сар Штраузен, не шевелись.

— Это еще зачем? — Он действительно замер.

— Хочу пересчитать седые волосы, которые у тебя появились.

И услышал в ответ довольно злое фырканье.

Ну а что мне еще оставалось, как не обратить все в шутку, ведь слов для оправданий не нашлось.

— Даниэль!

— Любой опыт хорош, если сделать из него правильные выводы. Или вот еще. То, что мне удалось прочесть в одной из книг, которых у Александра действительно множество. «Понять — это привыкнуть и научиться пользоваться». Ну замечательно же сказано, согласись!

— Не уводи разговор в сторону.

— Даже не думаю. И вообще, давай присоединимся к обществу. Ты мне все высказал, я — клянусь! — полностью проникся, так что на этой ноте и закончим, договорились? — И не смог удержаться: — Как ты думаешь, твой отец будет рад, если через энное время узнает о том, что у него на краю Ландаргии появился внук? Или внучка?

— Как?!

— Как я узнал? Иногда из моей спальни по утрам тоже выходят дамы, и я отлично помню выражение их лиц... Ну неоткуда ей было больше выходить, иначе как из дверей твоей спальни. Кстати, кем она приходится Александру?

— Кузиной, — буркнул Клаус, явно обескураженный тем, что его маленький секрет для меня таковым не является.

— Пойдемте, господин сар Штраузен, нас уже ждут.

— Кто?

— Хозяева дома за накрытым столом. И наверняка сейчас за ним все будет куда веселее.

Ожидания мои не оправдались, пусть даже атмосфера за ужином была не в пример той, что в предыдущий вечер. Все испортило неожиданное известие Корнелиуса Стойкого о том, что ему придется вернуться в Нантунет. И Пятиликий бы с ним самим, пусть даже как человек он был мне весьма симпатичен, к тому же замечате-

льный лекарь, который не раз пригодится в пути. Но вместе с Корнелиусом нашу компанию покидала его ученица — Сантра. Женщина, которую связывала со мной одна-единственная проведенная вместе ночь. Нет, я не строил относительно нее далеко идущих планов, и все-таки расставаться с ней, по-настоящему пылкой и страстной, к тому же обладающей великолепной фигурой, было безумно жаль. Даже несмотря на произошедшее между нами накануне объяснение.

— Даниэль, — мягко сказала она в ответ на мою настойчивость, — то, что между нами произошло, повторить невозможно.

— Вы больше не поддадитесь однажды возникшей слабости?

— Никакой слабости и не было, только трезвый расчет.

— Вот даже как?

— Уж поверьте! Во-первых, мне хотелось узнать — так ли слухи соответствуют действительности? Скажу сразу, вы не разочаровали.

— И во-вторых?

— Ну и в-главных. Готовы выслушать мой цинизм?

— Цинизм в женщинах мне нравится куда больше, чем их необоснованная восторженность, что случается намного чаще.

— Тогда слушайте. Вы относитесь к тому типу мужчин, для которых связь с женщиной, пусть даже мимолетная, значит много. Они начинают относиться к ним с некоторой ответственностью, что ли. И в какой-то мере чувствуют себя обязанными. Ничего плохого или порочащего мужчину нет, уж поверьте. Так вот, возможно, когда-нибудь мне удастся на этом сыграть. Возможно, и не понадобится, но в любом случае я ни о чем не жалею.

— Когда станете Старшей Матерью Дома Вечности, буду хвастать всем без разбора, что однажды с вами переспал, — вспомнив ее откровение, мстительно заявил я. Чего, конечно, никогда себе не позволю.

И немедленно услышал в ответ:

— Можете начинать прямо сейчас.

Посреди ужина Корнелиус и объявил о том, что ему необходимо вернуться. Весть ему привезли два всадника в мантиях Дома Милосердия, к которому он принадлежал, и в них легко было признать бывших воинов. Ничего удивительного — в любой из Домов их приходит достаточное количество. Кто-то обращается туда, чтобы искупить все те грехи, которых у любого солдата, какими бы мотивами он ни прикрывался, накапливается значительно. У других причины куда более прозаические. По прошествии четверти века, проведенной в армии, может случиться и так, что по окончании карьеры вернуться уже и некуда, а скопить достаточную сумму, чтобы где-нибудь обосноваться, не удалось. И тогда едва ли не единственный выход — обратиться в один из пяти Домов Пятиликого. Вернее, в четыре, поскольку в Доме Вечности мужчин нет.

Наше общее мнение высказал Клаус:

— Господин Корнелиус, конечно, жаль с вами расставаться, но, как я понимаю, вас призывает долг.

— Именно так и есть, господин сар Штраузен, — кивнул тот.

Была и еще одна новость, пусть и не настолько существенная. Вообще-то в компании Клауса я как был, так по-прежнему и оставался его советчиком. Адьютором, как выразился его отец, и нянькой, как считал сам. Но почему-то сложилось, что практически все проблемы, как важные, так и совершенно пустяковые, требовали моего решения.